читал все корректуры, возился с авторами, поправлял статьи. Мысль о том, что в «самой необразованной, в самой придавленной среде» встречаются черты «самого утонченного развития душевного» будет высказана им через несколько номеров на страницах журнала «Время» в «Записках из мертвого дома»: «Действительность бесконечно разнообразна сравнительно со всеми, даже и самыми хитрейшими выводами отвлеченной мысли...» [1, т. 4, с. 197]. В этом коротком комментарии к трагическому происшествию во Владимирской губернии затронуты проблемы, глубоко волновавшие Достоевского всю жизнь, занимавшие важное место в его публицистических и художественных произведениях: самоубийства и их причины, философия среды и ответственность личности за свои поступки, нравственное состояние общества во всех его «клеточках».

Сословия, их нравственное состояние и взаимоотношения между собою были предметом горячих споров в русской журналистике после отмены крепостного права, открывшей, по мнению журнала «Время», «прекрасное поприще» для «слития сословий в одно органическое целое, одну нацию» («Время», 1861, № 4, отд. 1, «19 февраля 1861 года», с. 585). Любое проявление разрозненности сословий глубоко возмущало журнал Достоевских. И в том же майском обозрении, где анализировался вопрос о мещанах, сообщалось об учреждении новой должности судебных следователей, обозреватель, касаясь «щекотливого вопроса: о жалованье предводителям дворянства», приводил обнаруженный им в прессе случай проявления высокомерного и пренебрежительного отношения дворянства к «низшим сословиям», высмеивая его «чванство» и стремление замкнуться в своей «чистой среде» («Время», 1861, № 5, Внутренние новости, с. 7, 8). Все это нашло отражение в романе «Бесы»: в «крайнем удивлении» будет находиться в романе губернское общество по поводу того, почему Ставрогин с «несомненным» дворянином Гагановым на дуэли дрался, а пощечину Шатова оставил без ответа. «Не мог же он вызвать на поединок бывшего крепостного своего человека!» — объясняет недоумевающему обществу «либеральствующая» губернаторша Юлия Михайловна [1, т. 10, с. 233]. Задумав устроить в городе самый «демократический» бал, допуская на него и самых «неизбранных», «не отказывая даже и мещанам...» [1, т. 10, с. 386], она замечает, что иногда даже должно допустить смешение сословий, «иначе кто ж их просветит?» [1, т. 10, с. 248—249]. В связи с поведением Ставрогина, не ответившего Шатову на свою «*личную* дворянскую обиду», за которую он мог потащить его в суд, в губернском обществе заходят толки о новых судах. Суд и сословие, сословные права — эта тема еще в канун новых судебных преобразований была одной из актуальнейших. Предстояли выборы мировых судей, присяжных заседателей — представителей разных сословий, в том числе и мещанского, отменялось различие подсудности по сословиям, что особенно болезненно воспринималось дворянством, не желавшим расставаться с тем положением в старом правосудии, по которому знатный преступник мог быть уверен в своей безнаказанности. Когда один из журналов заметил, что помещик, совершивший то же преступление, что и крестьянин, должен подвергаться меньшему наказанию и ответственности перед судом, потому что он, помещик, образованнее, Достоевский выступил с протестом на страницах своего журнала: «По-нашему, уже если человек образован, то он получил нравственное развитие, по возможности правильное понятие о зле и добре. Следовательно, он, так сказать, нравственно вооружен против зла своим образованием, а следственно, владеет для отражения зла средствами несравненно сильнейшими, чем крестьянин... Обвинить непременно должно помещика...» [1, т. 20, с. 70]. Все эти связанные с полемикой вокруг проблемы преступления и наказания вопросы найдут отражение в творчестве Достоевского. «Адвокат, защищающий образованного убийцу тем, что он развитее своих жертв,... наш»,— заявит в романе «Бесы» Петр Верховенский [1, т. 10, с. 324].

Я «ни средой, ни болезнями безответственности в преступлениях моих искать не хочу»,— заметит знатный дворянин, князь Ставрогин, который, решая загадку своей личности, будет пытаться сформулировать понятие о добре и зле [1,